

Философская натура

Владимир Соловьев — жених.

Беспримечательно впервые.

Владимир Сергеевич Соловьев (1871 г.).

Что рокомъ суждено, того не отражу я
Безсильной дѣтской волею своею,
Пройти я долженъ путь земной тоскуя
По вѣчномъ небѣ родины моею...

Такъ начинаются стихи Владимира Соловьева, посвященные его бывшей невестѣ, Екатерины Владимировны Романовой, въ

последнее свиданіе передъ ея замужествомъ: стихи написаны ей въ альбомъ на первой страницѣ: 31 января 1878 *).

Уже три года, какъ она ему отказала; она давно его разлюбила... да она по-настоящему любить его никогда не могла, она ему была всегда благодарна: его умныя письма доставляли ей «счастье».

Свободолюбивая; дѣтство ей выпало трудное; рано она поняла подлый изворотъ человѣческой жизни; въ душѣ ея, по опредѣленію Соловьева, была «божественная искра», и она отказалась отъ той обыкновенной дороги, по которой идутъ, какъ заведено и принято, подъ знакомъ «человѣкъ есть скотъ». Она потеряла «дѣтскую» слѣпую вѣру, а «сознательной» еще не было, ее тянуло къ «реальнымъ» наукамъ: она мечтаетъ уѣхать учиться въ Петербургъ или въ Москву; единственный, кто ее въ этомъ поддерживалъ, былъ ея двоюродный братъ — Владиміръ Соловьевъ; но отецъ и мать его были противъ: они боялись ихъ сближенія: одна порода: Поликсена Владиміровна Соловьѣна, урожденная Романова, — сестра отца Екатерины Владиміровны; Вл. С. — въ мать, Ек. Вл. — въ отца.

Если бы она встрѣтилась тогда со Слѣпцовымъ — ей шестнадцать лѣтъ — она была бы въ Знаменской коммунѣ, если бы встрѣтилась съ Брешковской, она пошла бы «въ народъ».

Теперь ей двадцать три; два года она провела за-границей, въ Швейцаріи, потомъ Парижъ, вернулась въ Россію — война, поступила сестрой милосердія и собирается на фронтъ. На нее обратить вниманіе Александръ II **). А кончится война и, очертя голову, безъ любви, только изъ жалости (женить изъ-за нея стрѣлялся) замужество: какъ бы исполняя давній завѣтъ Вл. Соловьѣва.

Она помнитъ, когда-то она отказала кн. Дадіани, котораго

*) Приведенное далѣе въ текстѣ полностью стихотвореніе Владиміра Соловьѣва, появляющееся въ печати впервые, предоставлено «Современнымъ Запискамъ» Екатериной Владиміровной Селевиной, урожденной Романовой, двоюродной сестрой Вл. Соловьѣва. Ей же принадлежатъ и воспроизводимыя здѣсь, до сего времени оставшіяся неизвѣстными, двѣ фотографіи Вл. Соловьѣва той эпохи.

Ред.

***) По воспоминаніямъ Е. М. Лопатиной (К. Ельцовой) («Современныя Записки», 1926, кн. XXVШ) Александръ II взялъ Ек. Вл. Романову за подбородокъ. Было это или не было, Ек. Вл. отрицаетъ: государь ухаживалъ за ней, но не трогалъ; а что, оттираемая другими сестрами, она однажды схватила государя за «фалду»; это было.

она «не настолько любить», чтобы выйти замуж, и вот какой была отвѣтъ Соловьева:

Воспроизведение картины.
В. Соловьевъ и Е. В. Романова.

«Твой отказъ къ Дадіани меня очень опечалилъ... Мнѣ очень жаль, если ты вѣришь скверной баснѣ, выдуманной скверными писаками скверныхъ романовъ въ нашъ скверный вѣкъ — баснѣ о какой-то особенной, сверхъестественной любви, безъ чего будто-бы невозможно и вступить въ законный бракъ, тогда какъ, напротивъ, настоящій бракъ долженъ быть не средствомъ къ наслажденію или счастью, а подвигомъ и самопожертвованіемъ. А что тебѣ якобы не нравится семейная

жизнь, — то развѣ нужно дѣлать только то, что тебѣ нравится или что ты любишь?» (Письмо 31-XII-1872 съ припиской отъ 1-I-1873): «Если въ этомъ письмѣ, дорогая моя, тебя что-нибудь оскорбитъ, то ты простишь меня, потому что знаешь, что я люблю тебя даже больше, чѣмъ нужно. Прошу тебя пиши мнѣ поскорѣе: меня очень интересуетъ дѣло съ предложеніемъ, и помимо того ты должна знать, что каждая твоя строчка для меня въ сорокъ тысячъ разъ дороже всей писанной и печатной бумаги въ мірѣ».

Съ этого и началась любовная переписка *).

Она помнитъ, это письмо ее тогда совсѣмъ запутало и на ее «выведи меня изъ этого состоянія», онъ отвѣтилъ:

«Отвѣчаю тебѣ прямо: я люблю тебя, насколько способенъ любить; но я принадлежу не себѣ, а тому дѣлу, которому буду служить и которое не имѣетъ ничего общаго съ личными чувствами, съ интересами и цѣлями личной жизни. Я не могу отдать тебѣ себя всего, а предложить меньше считаю недостойнымъ» (6-VII-1873).

Наконецъ исполнилось ее желаніе, она въ Петербургѣ, она помнитъ, передъ ней — цѣль жизни: «народная школа» (вѣдь и «нѣсколько человекъ, освобожденныхъ отъ того страшнаго невѣжества, въ которомъ находится весь русскій народъ, много значить, когда есть такъ мало выведенныхъ изъ этой ужасной темноты»); и какъ возмутило ее «Преступленіе и наказаніе», не могла дочитать; и какъ она ждала его: прійдетъ и все разъяснить; только что это значить: «насколько способенъ любить?» «не могу отдать себя всего?»

«Печально, моя дорогая Катя, что даже при одинаковой взаимной любви мы не совсѣмъ понимаемъ другъ друга. Въ

*) Въ «Русской Мысли», 1910 кн. V. М. Б. (Марья Сергѣевна Безобразова, сестра Вл. Соловьева) напечатала «Опошескія письма Владиміра Соловьева» (1871-1873): 28 писемъ къ Екатеринѣ Владиміровнѣ Романовой (по мужу Селевиной). Вл. С. Соловьевъ (1853-1900) — ему было 18-20 лѣтъ; Ек. Вл. (1855 — живетъ въ Парижѣ) — 16-18 лѣтъ. Любовная переписка съ 6-VII-1873 — 8-X-1873 — пять мѣсяцевъ. Подлинники, переплетенные въ черную тетрадь, хранятся въ Кіевѣ; среди нихъ есть ненапечатанные.

К. В. Мочульскій въ книгѣ: «Владиміръ Соловьевъ, жизнь и ученіе». УМСА-Press, Парижъ, 1936, пользовался этими письмами; все, что касается взглядовъ Вл. Соловьева, его «мыслей», передано имъ съ большой точностью, но въ дѣлахъ житейскихъ (стр. 25, 26) не совсѣмъ.

этомъ впрочемъ, виновать больше я самъ: какъ бы то ни было, постараюсь говорить яснѣе. Я думаю, ты не можешь сомнѣваться въ моей любви: я даже не умѣлъ хорошо скрывать ее до сихъ поръ; теперь же ты даешь мнѣ возможность говорить открыто: я люблю тебя, какъ только могу любить человѣческое существо, а можетъ быть и сильнѣе, чѣмъ долженъ. Для большинства людей этимъ кончается все дѣло; любовь и то, что за нею должно слѣдовать: семейное счастье — составляетъ главный интересъ ихъ жизни. Но я имѣю совершенно другую задачу, которая съ каждымъ днемъ становится для меня все яснѣе, опредѣленнѣе и строже. Ея посильному исполненію посвящу я свою жизнь. Поэтому личныя и семейныя отношенія всегда будутъ занимать второстепенное мѣсто въ моемъ существованіи. Это-то только я и хотѣлъ сказать, когда написалъ, что не могу отдать тебѣ себя всего. Но это, какъ я заключаю изъ твоего послѣдняго письма, не можетъ измѣнить твоихъ чувствъ ко мнѣ. Съ моей же стороны, хотя та задача, о которой я говорю, такого рода, что не можетъ быть ни съ кѣмъ раздѣлена, но, конечно, участіе любящей женщины должно поддерживать и укрѣплять силы въ тѣхъ тяжелыхъ ударахъ и жизненной борьбѣ, съ которыми необходимо связано разрѣшеніе всякой серьезной задачи. Это помощь незамѣнимая и конечно только отъ тебя могу я ее принять. Но ты знаешь, моя дорогая, что не отъ насъ и не отъ нашей любви зависятъ наши отношенія. Ты знаешь, какія препятствія не допускаютъ нашего соединенія *) (хотя мнѣ нѣсколько затруднительно писать объ этомъ такъ прямо, но я долженъ прибавить, что разумѣю единственно только то соединеніе, которое освящается закономъ и церковью: ни о какихъ другихъ отношеніяхъ между нами не можетъ быть и рѣчи). Устранить эти препятствія очень трудно, но возможно. Во всякомъ случаѣ, нужно употребить всѣ средства. Пока я предлагаю слѣдующее: мы подождемъ три года, въ теченіе которыхъ ты будешь заниматься своимъ внутреннимъ воспитаніемъ, а я буду работать надъ заложениемъ первоначальнаго основанія для будущаго осуществленія моей главной задачи, а также постараюсь достигнуть опредѣленнаго общественнаго положенія, которое бы могъ тебѣ предложить. Если ты согласишься, то объ этомъ еще поговоримъ при свиданіи. Много бы хотѣлъ сказать тебѣ, но слова нѣмы и пошлы» (10-VII-1873).

*) Родители Соловьева не соглашались на бракъ изъ-за близкаго родства.

И еще она помнить: тогда же — Петербургъ — вотъ и дѣло прошло, такъ онъ и не прѣхаль («поговоримъ при свиданіи!»), а скоро зима; «большая перемѣна произошла за послѣднее время», она ужъ не та, она его не ждетъ...

«Во-первыхъ, пишу «Исторію религіознаго сознанія въ древнемъ мірѣ» (начало уже печатается въ журналѣ). Цѣль этого труда — объясненіе древнихъ религій, необходимое потому, что безъ него невозможно полное пониманіе всемірной исторіи вообще и христіанства въ особенности. Во-вторыхъ, продолжаю заниматься нѣмцами и пишу статью (также для журнала) о современномъ кризисѣ западной философіи, которая потомъ войдетъ въ мою магистерскую диссертацию; конспектъ этой послѣдней уже мною написанъ. Въ-третьихъ, читаю греческихъ и латинскихъ богослововъ древней церкви. Ихъ изученіе также необходимо для полного пониманія христіанства. Все это только начальныя подготовительныя занятія, настоящее дѣло еще впереди. Безъ этого дѣла, безъ этой великой задачи мнѣ не зачѣмъ было бы и жить, безъ него я бы не смѣлъ и любить тебя. Я не имѣлъ бы никакого права на тебя, если бы не былъ вполне увѣренъ, что могу дать тебѣ то, чего другіе дать не могутъ. Ты видѣла и всегда можешь видѣть у ногъ своихъ множество людей, которые имѣютъ надо мною всѣ вышнія преимущества. Пока, въ настоящемъ я ничто...»

*

Есть два начала свѣта и цвѣта жизни: любовь и любва — любить и любиться. «Разожженный уголекъ» въ крови и бѣлый, самый жаркій и пронзительный свѣтъ... но кровь и есть духъ. Самая знойная пѣсни сложила любва; самые высокие помыслы отъ бѣлаго пронзительнаго свѣта. И преступленія до ножа, какъ отъ любви, такъ и въ любви. И у любви и у любви нѣтъ половинокъ: все или ничего.

«Философская натура» на тонкихъ ногахъ — Владиміръ Соловьевъ, не Рогожинъ, не Свидригайловъ — не Достоевскій. Въ его «недоношенной» натурѣ бѣлый жаркій свѣтъ, не «уголекъ». Никакой знойной пѣсни Лермонтова или Некрасова или Блока не можетъ быть въ стихахъ Соловьева, но мысли его сѣмянны и видѣнія его жарки.

Вотъ она съ длинными глазами сверкающей панночки «Вія» — маленькій красный ротъ, а это какъ у Полины въ «Игрокѣ» слѣдокъ ноги узкій и длинный — мучительный.

«Сегодня я только къ утру задремалъ и видѣлъ тебя почти какъ наяву. Ощущаю Katzenjammer. Если тебѣ сколько-нибудь дорого мое спокойствіе, если ты меня не на словахъ только любишь, пиши мнѣ хоть разъ въ недѣлю нѣсколько словъ. Прощай, мое сокровище, обнимаю тебя всею силой своего воображенія; придетъ ли, наконецъ, время, когда обниму тебя въ дѣйствительности, радость моя, мученіе мое!» (8-X-1873).

Онъ покорилъ ее своимъ бѣлымъ самымъ жаркимъ и пронзительнымъ свѣтомъ. Но онъ никакой кентавръ, въ его философіи ничего отъ философа Хомы Брута. И если бы онъ осмѣлился не въ одномъ «воображеніи» — судьба его была бы судьбой пса Микиты: куча золы да пустое ведро.

*

Соловьевъ-женихъ — не Чеховъ со своей «собакой»; есть что-то общее съ повадкой и существомъ Андрея Бѣлаго, та же «мудрость змѣя и незлобивость голубя», шитая бѣлыми нитками, и то же прозрачное «лукавство», и путаница и слѣпота.

«Только что отправилъ жалобу на твое молчаніе, дорогой мой другъ Катя, какъ получилъ твое письмо, обрадовавшее меня бесконечно. (Ты однако не думай, чтобы я высказывалъ свою радость; при полученіи твоихъ писемъ я изображаю олицетворенное равнодушіе. Вообще я становлюсь гораздо сдержаннѣе, даже начинаю лукавствовать, увѣряю тебя: хочу быть мудръ, аки змѣй и незлобивъ, аки голубь). Что касается нашихъ отношеній, то хочешь ли ты или не хочешь, я далъ и еще даю тебѣ слово, о которомъ говоришь. Способенъ ли я обмануть, это окажется въ будущемъ, на дѣлѣ, говорить же объ этомъ нечего» (2-VIII-1873). — «Подателю сего письма, если онъ будетъ говорить обо мнѣ, вѣрь не безусловно, но потому, что бы онъ сталъ нарочно врать (онъ человѣкъ порядочный), но потому, что я не былъ съ нимъ вполне откровененъ, точно такъ же, какъ ни съ кѣмъ другимъ, кромѣ тебя одной. А прогос des bottles: какой невозможный вадоръ слышалъ я про тебя съ разныхъ сторонъ. Удивлялся изобрѣтательности человѣческаго воображенія. Не повѣрилъ ничему ни на минуту. Писалъ тебѣ, что начинаю лукавствовать. Съ непривычки не очень успѣшно: иногда прорываюсь самымъ смѣшнымъ образомъ. А иногда и не хочется притворяться, какъ будто что дурное скрывать» (10-VIII-1873). — «Что ты пишешь мнѣ, дорогая Катя, о сдѣланномъ тебѣ предложеніи, было мнѣ очень непріятно

отчасти по той моей бессмысленной гадкой ревности, вслѣдствіе которой у меня скребетъ на сердцѣ каждый разъ, когда кто-нибудь другой даже только произносить твое имя, не то что дѣлаетъ тебѣ предложеніе; но еще болѣе потому, что очень, очень тяжело шагать черезъ другихъ и, мечтая о спасеніи чело-вѣчества, по какой-то злой ироніи жизни быть невольной причиной чужого несчастья. Напиши мнѣ, пожалуйста, какъ подѣйствовалъ на него твой отказъ (не Пасекомъ ли его зовутъ?). Все, что ты пишешь о моихъ цѣляхъ, совершенно справедливо. Только ты напрасно воображала, что я мечтаю о какомъ-то мгновенномъ возрожденіи чело-вѣчества. Живого плода своихъ будущихъ трудовъ я во всякомъ случаѣ не увижу. Для себя лично ничего хорошаго не предвижу. Это еще самое лучшее, что меня сочтутъ за сумасшедшаго. Я впрочемъ объ этомъ очень мало думаю. Рано или поздно успѣхъ несомнѣненъ — этого достаточно. Мы должны исполнять свою обязанность — вотъ и все, а опредѣлять времена и сроки — не наше дѣло. Иногда далекое представляется уму близкимъ — тѣмъ лучше — это утѣшаетъ. Что это у тебя за странная фраза: боюсь надоесть своей болтовней?»

*

Свиданіе съ женихомъ, по его вычисленіямъ, черезъ 114 дней! Мечту о «народной школѣ» смѣнила музыка — появил-ся кентавръ.

Всеволодъ Соловьевъ *) (въ письмахъ онъ называется «джентльменъ», В. и Х.) будетъ заниматься съ ней исторіей. Онъ старше Вл. С., вотъ ужъ ничего общаго съ братомъ: онъ въ отца, такой же коренастый, широкоплечій. Въ ея альбомъ за августъ написалъ онъ шесть стихотвореній и въ каждомъ самое пылкое признаніе. А когда временно уѣдетъ изъ Петербурга въ Москву между ними начнется переписка.

«За днями дни обычной чередой»

Идутъ — а я письма не получаю,

Другимъ же пишешь ты... Что сдѣлалось съ тобой?

Я этого совсѣмъ, мой другъ, не понимаю!»

«По крайней мѣрѣ спокоенъ, что ты здорова, ибо другимъ пишешь. Видишь однако до чего любовь можетъ доводить даже философскія натуры: еще немного, — и я буду писать настоящіе стихи, буду списывать ихъ въ тетрадь и угощать ими сво-

*) Всеволодъ Сергѣевичъ Соловьевъ (1849-1903) романистъ.

ихъ близкихъ, по примѣру извѣстнаго тебѣ джентльмена, о которомъ кстати будетъ и рѣчь. На другой день по его отъѣздѣ, только что я проснулся и еще несовсѣмъ пришелъ въ себя, внезапно является Аполлонъ (не тотъ, которому поклонялись древніе греки, а нашъ лакей Аполлонъ) и подаетъ мнѣ письмо, полученное наканунѣ въ мое отсутствіе. Вижу твою руку и, не разобравши хорошенько адресъ, распечатываю и читаю начало. Изъ сего начала вижу, что упомянутый джентльмень (къ которому оказалось адресовано ваше письмо) вторгается туда, гдѣ его никто не желаетъ. Ты бы очень хорошо сдѣлала, если бы разъ навсегда положила должный предѣлъ его порывамъ. Имѣю слишкомъ достаточное основаніе, постоянно страдая отъ своей довѣрчивости, предупреждать тебя: не довѣрай людямъ вообще, а петербургскимъ джентльменамъ въ особенности. Какъ ни стараюсь во всѣхъ людяхъ видѣть настоящаго человѣка, но долженъ признать начальную и давно извѣстную истину, что въ людяхъ совсѣмъ мало человѣческаго, а гораздо болѣе преобладаетъ образъ различныхъ звѣрей, какъ-то: волка, лисицы, свиньи, гѣны, осла и т. п... Ты мнѣ никогда ничего не пишешь о себѣ. Неужели ты не вѣришь, что для меня важно все, что тебя касается. Пиши же, я серьезно беспокоюсь. Въ Сергіевскій посадъ окончательно переселяюсь 8 сентября, когда начнутся академическія занятія. Ты мнѣ должна будешь писать по крайней мѣрѣ 2 раза въ недѣлю. Кромѣ твоихъ писемъ у меня тамъ ничего живого не будетъ» (25-VII-1873). — «В. (Всеволодъ) разъ мнѣ рассказывалъ, какое ты мнѣніе имѣешь» и т. д., я уже писалъ тебѣ, дорогая, чтобы ты относительно меня не вѣрила В., потому что я не былъ съ нимъ искрененъ: я ему дѣйствительно говорилъ то, что онъ тебѣ передавалъ, но говорилъ нарочно, о чемъ тебя и предупреждалъ. Не знаю, почему тебѣ непріятно, что я живу отшельникомъ, т. е. избѣгаю безсмысленныхъ забавъ и не развратничаю. Вѣроятно тебѣ что-нибудь наврало. Относительно твоихъ сомнѣній могу только замѣтить, что наша разлука достаточно долга, чтобы «минутное увлеченіе» успѣло пройти; минутныя увлеченія у меня бывали, и я знаю разницу» (26-VII-1873). — «Не быть мнительнымъ и ревнивымъ я не могу: это болѣзнь характера и слѣдовательно неизлѣчима. Но конечно ее можно скрывать. Во всякомъ случаѣ моя ревность остается при мнѣ: ты вѣдь не можешь пожаловаться, чтобы я тебя обвинялъ или упрекалъ въ чемъ-нибудь, а самого себя мучить я конечно имѣю право. Итакъ, объ этомъ больше ни слова. Что касается нашего свиданія, то я самъ думалъ его ускорить. Если ничего особеннаго

не случится, то буду въ Петербургѣ въ началѣ ноября (около десятихъ чиселъ). 7 недѣль еще подожди меня — это сравнительно недолго. Писать не буду часто — времени нѣтъ: нужно хорошенько потрудиться, чтобы сколько-нибудь заслужить радость свиданія съ тобою. Ты же пиши мнѣ, жизнь моя. Очень радъ, что ты будешь заниматься музыкой. Экзамень тоже не мѣшаетъ на всякій случай выдержать. Но скажи, пожалуйста, какъ это ты будешь заниматься съ Х. (Всеволодомъ)? Мнѣ кажется забавнымъ. Впрочемъ, объ Х. (Всеволодѣ) я не хочу распространяться, потому что долженъ сказать, что какъ это ни скверно съ моей стороны, я просто не люблю его. Какъ я ни старался себя принудить, какъ ни увѣрялъ себя, что долженъ его любить и что люблю — не удается. Это какая-то инстинктивная антипатія. Напротивъ, я былъ бы очень радъ, если бы представился случай оказать ему какую-нибудь важную услугу, чтобы, по крайней мѣрѣ, не быть неблагодарнымъ, какъ онъ меня въ этомъ упрекаетъ. Тѣмъ не менѣе, у меня къ нему (и странно — къ нему одному) очень нехорошее чувство. Впрочемъ, надѣюсь это со временемъ пересилить, тѣмъ болѣе, что онъ ненависти и вражды ни въ коемъ случаѣ не заслуживаетъ: онъ болѣе пусть, чѣмъ золь. Прости, моя радость, я вѣрю твоей любви и полагаюся на нее» (23-IX-1873).

«Семь недѣль еще подожди меня — это сравнительно недолго!» И онъ трудился въ Сергѣевскомъ посадѣ, чтобы «заслужить радость свиданія». А ей въ Петербургѣ за музыкой и «исторіей» не до чего: кентавръ побѣдил!

«Сегодня полученное мною письмо твое возбудило во мнѣ такую необычайную радость, что я сталъ громко разговаривать съ нѣмецкими философами и греческими богословами, которые въ трогательномъ союзѣ наполняютъ мое жилище. Они еще никогда не видѣли меня въ такомъ неприличномъ восторгѣ, и одинъ толстый отецъ церкви даже свалился со стола отъ негодованія. Я вѣдь уже былъ вполнѣ увѣренъ, что между нами все кончено, и только не могъ придумать отъ чего и какъ это случилось...»

Эка! и давно все кончено, а случилось очень просто. Говоря житейски: «проворонилъ», а по-просту — «проглупалъ». Хорошъ женихъ! Да надо было тогда же послѣ объясненія (Письмо 11-VII-1873), несмотря ни на что, немедленно ѣхать къ ней въ Петербургъ, а не откладывать, не философствовать и не оправдываться.

И это она помнить, еще бы! «Москва, 25 июля» :

«Пожалѣй меня, дорогая моя, жизнь моя, Катя; еще четыре мѣсяца долженъ я дожидаться свиданія съ тобою. Совсѣмъ собрался ѣхать въ Петербургъ; спрашиваютъ, зачѣмъ ты теперь туда ѣдешь? Для такихъ-то и такихъ-то дѣлъ. «Но въ Петербургѣ лѣтомъ никакихъ дѣлъ сдѣлать нельзя, никого изъ нужныхъ людей не найдешь; всѣ на лѣто разъѣзжаются». «Но мнѣ необходимо заниматься въ Публичной библиотекѣ». «Зимой тамъ заниматься гораздо удобнѣе, а теперь и въ библиотекѣ никого не добьешься». Что же? мнѣ оставалось или признаться, что я ѣду въ Петербургъ единственно для того, чтобъ видѣть тебя, что мнѣ тамъ, кромѣ мое Кати, никого и ничего не нужно, — сказать эту правду прямо было бы глупостью непоправимой; или же приходилось согласиться съ основательными доводами и принять предложеніе папа ѣхать въ Петербургъ съ нимъ вѣстѣ 1 декабря, въ воскресенье, въ 8½ часовъ вечера. Я согласился и кажется поступилъ благо-разумно. Но только теперь, когда дѣло уже кончено, чувствую я, до чего невыносимо-тяжело мнѣ это благоразуміе, никогда не испытывалъ такой смертельной тоски. Знаю, что и тебѣ невесело одной въ скверномъ пустомъ городѣ. Давно бы пріѣхалъ, несмотря ни на что, если бы можно было это сдѣлать, не компрометируя т е б я ж е. Да, кажется, не много розъ придется намъ сорвать на нашей дорогѣ. Это впрочемъ и хорошо: быть счастливымъ вообще какъ-то совѣстно, а въ нашъ печальный вѣкъ и подавно. Тяжелое утѣшеніе! Есть правда внутренній міръ мысли, недоступный ни для какихъ житейскихъ случайностей, ни для какихъ душевныхъ невзгодъ — міръ мысли не отвлеченной, а живой, которая должна осуществиться въ дѣйствительности. Я не только надѣюсь, но такъ же увѣренъ, какъ въ своемъ существованіи, что истина, мною сознанныя, рано или поздно будетъ сознана и другими, сознана всѣми, и тогда своею внутреннею силою преобразить она весь этотъ міръ лжи... все это исчезнетъ, какъ ночной призракъ передъ восходящимъ въ сознаниі свѣтомъ вѣчной Христовой истины, доселѣ непонятной и отверженной человѣчествомъ, — и во всей своей сла-вѣ явится царство Божіе — царство внутреннихъ духовныхъ отношеній, чистой любви и радости — новое небо и новая земля, въ которыхъ правда живетъ, но невозможно ничтожному чело-вѣку постоянно жить въ этомъ мысленномъ, еще не осуществленномъ для насъ мірѣ. Сердце беретъ свои права, и опять тяжелая тоска, тупое страданіе, и еще невыносимѣе становятся

мелкія препятствія и столкновенія, всё эти пощечины обыденной жизни. Радость моя, дорогая моя, въ эти минуты душевной усталости, слабости и отчаянія только твоя любовь можетъ поддерживать, ободрять меня: напоминай мнѣ о ней чаще, умоляю тебя, я еще не вѣрю вполнѣ, прости меня. Твой навсегда».

«Навсегда?» — вотъ когда все было кончено навсегда: живое «безумное» человѣческое сердце — огонь — и... это «благоразуміе»! Или и такъ — по слову протопопа Аввакума: «не имъ было, а быть же было инымъ». Или...

Что рокомъ суждено, того не отражу я
Безсильной дѣтской волею своею,
Пройти я долженъ путь земной тоскуя
По вѣчному небѣ родины моею.

Звѣзда моя вдали сіяетъ одиноко —
Въ волшебный міръ лучи ея манять,
Но недоступенъ этотъ міръ далекій, —
Пути къ нему не радость мнѣ сулятъ.

Прости жъ, и лишь одно послѣднее желанье,
Послѣдній вздохъ души моею больною —
О, если бъ я за горькое страданье,
Что суждено мнѣ волей роковой,

Тебѣ могъ дать златые дни и годы,
Тебѣ могъ дать всё лучшіе цвѣты,
Чтобъ въ новомъ мірѣ свѣта и свободы
Отъ злобной жизни отдохнула ты,

Чтобъ смутныхъ сновъ тяжелыя видѣнья
Бѣжали всё отъ солнечныхъ лучей,
Чтобъ на всемірный праздникъ возрожденья
Явилась ты всёхъ чище и свѣтлѣй.

Она стояла передъ нимъ, — и это было наяву, но трепетно, какъ въ видѣніи: на ея головѣ крылилъ бѣлый уборъ сестры милосердія; видитъ ли онъ или не видитъ, какъ тѣнью слѣдитъ она изъ-подъ опущенныхъ глазъ — онъ видѣлъ этотъ непорочный уборъ: его бѣлый цвѣтъ сверкалъ самымъ жаркимъ и пронзительнымъ свѣтомъ, красное, какъ рана, раскаленнымъ углемъ на груди — крестъ. И «рубины усть ея, казалось, прикипали кровью къ самому сердцу».

Алексѣй Ремизовъ.